

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-190-199>

УДК 929

ББК 71.1

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. Р. Л. Красильников
г. Москва, Россия

«ДОЧЬ ПИСАТЕЛЯ»: ЖЕНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ В. Л. АНДРЕЕВОЙ

Аннотация: Статья посвящена изучению женской идентичности в автобиографической прозе Веры Леонидовны Андреевой (1910–1986), дочери известного писателя «серебряного века» Леонида Николаевича Андреева. Материалами для исследования стали повесть «Дом на Черной речке» (1974) и роман «Эхо прошедшего» (1986). В работе рассматривается репрезентация писательницей женской субъективности в контексте эпохи модерна и первой волны русской эмиграции. Вначале изучается противоречивый процесс гендерной идентификации в детстве писательницы, который был обусловлен ее взрослением, коммуникацией со сверстниками и родственниками. Далее исследуется формирование женской субъективности во время эмиграции, в условиях межкультурного взаимодействия, адаптации к немецкой, итальянской, чехословацкой, французской культурам, столкновения с местными стереотипами. Важными факторами для гендерного самоопределения писательницы становятся образ матери, Анны Ильиничны, деятельной женщины, после смерти Леонида Андреева взявшей на себя материальное обеспечение семьи и общение с представителями русской диаспоры, в том числе Сашей Черным, Мариной Цветаевой, Александром Вертинским и т. д. Отражением эпохи модерна являются попытки писательницы освоить различные женские профессии, круг которых в этот период был еще достаточно узок. Наконец, на примере Веры Леонидовны Андреевой рассматривается феномен «дочери писателя», который нередко обуславливал отношение к рассказчице других людей и, конечно же, повлиял на формирование ее писательского таланта.

Ключевые слова: В. Л. Андреева, автобиографическая проза, женская идентичность, русская эмиграция, эпоха модерна.

Информация об авторе: Роман Леонидович Красильников — доктор филологических наук, доцент, независимый исследователь.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4279-8263>

E-mail: krasilnikov.rl@gmail.com

Дата поступления статьи: 06.02.2022

Дата одобрения рецензентами: 21.02.2022

Дата публикации: 28.06.2023

Для цитирования: Красильников Р. Л. «Дочь писателя»: женская идентичность в автобиографической прозе В. Л. Андреевой // Вестник славянских культур. 2023. Т. 68. С. 190–199. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-190-199>

Настоящая работа находится на пересечении нескольких актуальных исследовательских тем. Во-первых, это трансформация культуры в эпоху Модерна, связанная с переходом к секуляризованному обществу, где ценностью среди всего прочего становятся осознание человеком себя как личности со своими правами и свободами (см., например: [2, с. 99–101]). Во-вторых, изменение положения женщины в первой половине XX в., обусловленное как раз появившимися возможностями для выбора своей судьбы, в том числе на профессиональном поприще (см., например: [1, с. 85–92]). В-третьих, формирование, конструирование женской идентичности, феминности в новых условиях (см., например: [8, с. 99–105]). В-четвертых, репрезентация и осмысление всех указанных процессов в автобиографической прозе как способе описания своей субъективности (см., например: [7, с. 10]). Наконец, история русской эмиграции, точнее — ее первой волны (см., например: [4, стб. 909–915]).

Весь этот «клубок» проблемных полей сходится в выбранном нами источнике — автобиографической прозе Веры Леонидовны Андреевой (1910–1986), дочери Леонида Николаевича Андреева и его второй жены Анны Ильиничны (урожденной Денисевич).

Коротко очерчивая судьбу В.Л. Андреевой, отметим следующее. После революции дом ее отца оказался расположен на территории обретшей независимость Финляндии, за пределами России. Л.Н. Андреев умер в 1919 г., и в 1920 г. его жена Анна Ильинична вместе с детьми (Саввой, Верой и Валентином) переехала вначале в Германию, потом в Италию, Чехословакию и, наконец, во Францию. Через некоторое время, после окончания филологического факультета Сорбонны, Вера Леонидовна приняла решение жить самостоятельно и снова уехала в Чехословакию, где в 1936 г. вышла замуж за эмигранта Григория Семеновича Рыжкова и родила троих детей. В 1960 г. дочь Андреева вместе с семьей вернулась на родину и прожила в Советском Союзе (вначале в Орле, а потом в Москве) вплоть до самой своей смерти в 1986 г. [13, с. 365–366].

Материалами для нашего исследования стали две книги воспоминаний Андреевой. Первая — повесть «Дом на Черной речке» — выходила отдельным изданием в 1974 и 1980 гг. [9; 10]. Она посвящена событиям, происходившим с 1918-го по 1920-й гг., в том числе — смерти отца. В 1986 г. повесть была опубликована в составе сборника, название которому дал роман «Эхо прошедшего», являющийся продолжением автобиографии писательницы [11]. В нем повествуется о событиях от отъезда из Финляндии до середины 1920-х гг., когда Андреева решает в очередной раз переехать в Чехословакию, теперь уже надолго, чтобы начать самостоятельную жизнь отдельно от матери.

Судя по интервью И.Г. Андреевой-Рыжковой, дочери писательницы, роман «Эхо прошедшего» был опубликован в сокращенном варианте: «Когда договор был уже подписан, позвонили из издательства и потребовали сократить треть (!) от общего объема в тысячу страниц. К тому времени мама была уже смертельно больна. Повесив трубку, мама сказала, что сделать этого не сможет, нет сил. И тут я осмелилась предложить моей маме сделать это. Никто не знает, как было мне тяжело сокращать по тексту мамины фразы, мысли, абзацы — я ведь была уверена (и до сих пор так считаю), что мамину книгу вообще не нужно редактировать» [12]. К сожалению, полный текст произведения опубликовать так и не удалось.

«Дом на Черной речке» и «Эхо прошедшего» — автобиографическая проза, соответствующая определению этого жанра, данному Ф. Леженом: «ретроспективное прозаическое повествование реального человека, рассказывающего о собственном существовании, делая особый акцент на истории своей личности» [3, с. 261–262]. Эти произведения посвящены в первую очередь становлению личности Андреевой в опре-

деленном окружении и в определенных обстоятельствах, связанных с воспитанием в семье известного писателя и регулярными контактами с творческой элитой, а также с эмиграцией и вынужденными путешествиями по Европе; столкновению с чужими культурами и попыткам адаптироваться к ним. Если обращаться к типологии Н.А. Николиной, то перед нами «воспоминания, тяготеющие к беллетризированной форме (содержащие, например, образные характеристики описываемых реалий)» [5, с. 12]. Такая классификация подтверждается, во-первых, тем, что сама Андреева назвала изучаемые произведения повестью и романом, во-вторых, стилистикой источников. В связи с этим необходимо помнить об особенностях субъектной организации автобиографической прозы: «...Создавая мнемонический текст, вспоминающее “я” выступает в трех функциях одновременно — автора как исторической личности, субъекта, ведущего рассказ о собственной жизни, и героя или объекта рассказа, называемого также протагонистом. Это отличает данный вид литературы от других и определяет ее абсолютный эгоцентризм и субъективную сложность» [6, с. 111].

Таким образом, цель нашей работы — рассмотреть, как Андреевой в ее воспоминаниях конструируется идентичность (представление о себе как о носителе и исполнителе определенных социокультурных ролей, зачастую связанных с принадлежностью к определенным социокультурным группам).

Как же проявляется гендерная идентичность в книгах писательницы? Нельзя сказать, что ответ на этот вопрос предсказуем и банален, поскольку воспоминания начинаются с декларативного неприятия «женского».

Уже на первых страницах повести «Дом на Черной речке» автор описывает отношение девочки восьми лет к женской одежде: «...С недавних пор мне приказано одеваться самой. Какое неприятное и сложное занятие! В особенности проклятый лифчик с пуговками, к которым пристегиваются резинки для чулок и штанишки, всегда приводит меня в крайнее замешательство, — я забываю, которую петлю нужно застегивать первой, которую второй, а тут еще пальцы вспотели... Наконец все как будто надето правильно, но лифчик почему-то скривился на сторону, а чулки спиралью крутятся вокруг ног» [11, с. 8].

В дальнейшем становится понятно, почему этот элемент повседневной жизни вызывал такие эмоции: Вера отрицательно относится к идентификации себя как девочки: «Я горько сетовала на судьбу, сотворившую меня девочкой, и жгуче завидовала братьям, стараясь ни в чем не отставать от них. Надо сказать, что это мне удавалось довольно хорошо, так как сами мальчишки порой забывали, что я девчонка, и никогда не изгоняли из своей компании. Мы дружно поливали презрением своих многочисленных родственниц, всяких там двоюродных и троюродных сестриц, за их страх перед мышами, пауками и змеями, за их неумение влезть на дерево или перепрыгнуть канаву» [11, с. 13].

Безусловно, такое отношение к своим природным особенностям вовсе не редкость и не отменяет постепенное формирование женской идентичности. Напротив, приведенные цитаты, несмотря на декларативное неприятие, утверждают гендерные стереотипы. Для описанной детской среды слово «девочка» становится синонимом трусости: «...Лучше было влететь в овраг, сломать лыжу, чем услышать слово, брошенное сквозь скривленные презрением губы: девчонка!» [11, с. 14]. На протяжении всей повести «Дом на Черной речке», другими словами — на протяжении всего детства, главная героиня участвует во всех проделках своих братьев: они строят капканы и волчьи ямы по заветам Э. Сетона-Томпсона (пока в одну из них не попадает их бабушка);

возводят вулканы (пока Савва не получает сильный ожог); отправляются в плавание на лодке (пока их не застает отец); издеваются над животными (пока не поражаются видом испуганного петуха); громят мебель в оставленных домах (пока их не ловит сторож); воруют ягоды у соседей, враждуют с финскими мальчишками и т. д.

Постоянное общение с братьями приводит к отсутствию подруг и презрительному отношению к другим девочкам. Вера вспоминает: «В домике жили еще две девочки — одна была дочкой дяди Павла, другая дяди Андрея, — помню, я их бивала, так как была значительно сильнее и толще» [11, с. 41].

Вместе с тем время от времени «женское» вторгается в повествование и в самосознание рассказчицы. В частности, это заметно по описанию круга чтения Веры. Наряду с приключенческими романами Л. Буссенара, М. Рида, Дж.Ф. Купера, А. Дюма она читает популярные тогда книги для девочек: «Лидия Чарская со своими падающими в обморок слезливыми институтками возбуждала острое презрение мальчишек, — чтобы не уронить себя в их глазах, я вслух тоже глумилась над героинями Чарской, но втайне любила несчастную и гордую княжну Джаваху и очень жалела бедную институтку Лиду, так страдавшую — за что? — от ненавистной мачехи» [11, с. 18]. В ней как читательнице возникают внутренние противоречия, например относительно книги Б. де Сент-Пьера «Павел и Виргиния»: «Само повествование было мне не понятно описанием чувств не совсем братских, которые питал Павел к своей сестре Виргинии, — и недаром, потому что в конце она оказалась вовсе не сестрой ему, и роман кончается свадьбой, — на мой взгляд, совершенно неинтересно. Запомнилась только роскошная природа какого-то тропического острова и замечательное описание бури, когда Павел спасает Виргинию с тонущего корабля» [11, с. 61].

А оставшись на какое-то время в одиночестве в репинских «Пенатах» Вера и вовсе занимается делом, традиционно воспринимаемым как «женское»: «...Сидя на припеке, я плела бесконечные венки из кошачьих лапок — здесь тоже росли эти милые бархатистые цветочки» [11, с. 107].

Очевидно, что подобное положение вещей во многом зависело от родителей, которые не препятствовали такому развитию ребенка, причем не только дружбе с мальчиками, но и стремлению к чтению, к образованию, этим характерным признакам женщины эпохи модерна. Вере и ее братьям предоставляется много свободы, но в то же время они занимаются с Вадимом (сыном Л.Н. Андреева от первой жены) русским языком и литературой, учат наизусть большое количество текстов,

В данном плане показателен образ матери, создаваемый автором в повести: «Она умела разбираться в метеорологии, точно определяла погоду на завтра, силу и направление ветра и гребла не хуже любого балтийского матроса» [11, с. 35]; «Маму трудно было представить беспечно щебечущей о каких-нибудь тряпках, о том, идет ли Симочке голубое платье или ей лучше сшить розовое. Она вовсе не интересовалась, кто за кем ухаживает, что сказала такая-то за обедом и что такой-то ей отвечал. Очень образованная, всесторонне эрудированная, мама находила себе собеседников среди писателей и художников, бывавших у нас, и всегда находила больше удовольствия в разговоре с мужчинами, чем в праздной болтовне женщин» [11, с. 47].

Есть в повести и другие женские образы, хоть и неосознанно, но, несомненно, повлиявшие на гендерную идентичность рассказчицы. Это полуграмотная, но беззаветно любившая отца бабушка Анастасия Николаевна, жена дяди Всеволода по отцовской линии тетя Наташа, посвятившая себя детям Л.Н. Андреева, дочь Анны Ильиничны от первого брака Нина, присоединившаяся к эмигрирующей семье.

Именно в общении с тетей Наташей актуализируется женская субъективность Веры — в обучении уборке, штопке, в осознании своей телесности во время купания: «Тетя Наташа усердно оттирала нас мочалкой и, любуясь моей фигурой, частенько говорила: “Будет за что ущипнуть!” Смысл слов мне мало понятен, тем не менее я краснею, так как тетя Наташа произносит их как-то особенно многозначительно. Она искренне любит мои волосы — после мытья они блестят, как свежесмытый каштан, и закрывают всю спину, но я недовольна: такие ровные, они совсем не выются, не то что у красавицы Луизы, в которую был влюблен храбрец Стальное тело из романа Буссенара “Королева золота”» [11, с. 116].

Все больше Веру беспокоит ее внешний вид. Примечательно, как она расстраивается из-за неудавшейся фотографии на паспорт: «К сожалению, меховая шапка — папина! — безнадежно придавила завивку, пышный бант смялся, и получилась на фотографии испуганная физиономия с полуоткрытым ртом и выпученными глазами, на голове не то мочалка положена, не то пропеллер вертолета, если на него смотреть сбоку. Особенно не понравились мне это обалделое выражение и разинутый рот. “Ворон считала?” — не преминул небрежно спросить ехидный Тин» [11, с. 127].

Вероятно, поэтому она замечает заботу Нины о внешнем виде, несмотря на то что та не разделяла интересов Веры и Тина: «Нина очень любила наряжаться и прихорашиваться перед зеркалом. Бывало, наденет на себя какую-нибудь кофточку или платье — обязательно красного цвета! — в уши вставит цыганские серьги, нацепит бус, браслетов и кокетничает перед зеркалом, приговаривая с глубоким убеждением: “Я, может быть, не красавица, но я очень хорошенькая, исключительно хорошенькая! Всякий мужчина, увидев меня, скажет — вот это хорошенькая девушка!”» [11, с. 119].

В это время детей отдают в школу, что способствует ускорению и усилению идентификационных процессов. Мальчики и девочки воспринимаются в ином свете, появляются первые воспоминания о влюбленностях: «Там учились такие умные парни, как Виталий Тумаркин, и такие красавицы, как рыжая и бледная Ирма Таухер, в которую влюбился Саввка. Меня опять-таки дразнили Виталием — я краснела, бледнела и не могла пошевелиться, когда Виталий со снисходительным видом брал меня за руку или становился рядом во время игры. Я и так была страшно застенчива и неуклюжа, но, когда Виталий подходил ко мне, эта застенчивость принимала катастрофические размеры — каждый палец на руках и ногах как будто наливался чем-то тяжелым, как свинец, и не было никакой возможности пошевелить им, в то время как Ирма Таухер и другие девочки свободно и непринужденно прохаживались с мальчиками по залу. Я от всей души ненавидела толстую самодовольную рожу Виталия, но молва твердила, что я в него влюблена, одно это слово повергало меня в состояние, близкое к столбняку, — приходилось верить, что это так и есть» [11, с. 107–108].

Очевидно, что общественное мнение влияет на формирование гендерной идентичности. В это время Вера замечает и чужие взаимоотношения, например, Нины и ее поклонников.

Отъезд из Финляндии совпадает с началом новой книги воспоминаний — «Эхо прошедшего» — и окончательным переходом рассказчицы в подростковый возраст. Вот как видит себя главная героиня: «Я — рослая, с гладко назад зализанными волосами в косичках, большими, наверное, слегка вытаращенными глазами, большим ртом, тоже, наверное, приоткрытым от напряженного внимания. У меня большие, как у щенка сенбернара, ноги и руки, сама я голенастая, неуклюжая. И очень застенчивая. Вернее, просто дикарка» [11, с. 143–144].

Примечательно, что с самого начала в поле зрения автора снова оказывается сводная сестра: «...Наша старшая сестра Нина, которая мнит себя цивилизованной, столичной дамой, тоже выглядит порядочно нелепо в самодельном костюмчике с длинной юбкой и в шляпке, надвинутой на самые брови. Я не могу судить, хороша она собой или нет, — уж слишком она привычна, — но все всегда говорят: какая она хорошенькая и какая у нее красивая фигура» [11, с. 144]. Приведенная цитата наполнена иронией, но есть в ней и момент сравнения, и оценочное суждение в гендерном контексте. В целом в романе Нина становится своеобразным эталоном красоты, особенно когда поступает в драматическую студию: «Как она была хороша! <...> Просто я останавливалась как пораженная и смотрела, смотрела, не в силах оторваться» [11, с. 166].

Веру все больше интересуют взаимоотношения с мужчинами. В романе «Эхо прошедшего» рассказывается о ее влюбленностях — в итальянца Антонио и в Волю Варламова [11, с. 223, 313]. В то же время случались и небезобидные происшествия, связанные с утверждением «женского» в ее облике, — поход в кино с незнакомцем в Берлине и преследование неизвестным мужчиной в парке Флоренции. Мать сама наряжает двенадцатилетнюю Веру «по-взрослому» для визита в кинотеатр, однако после оживленного рассказа дочери о мужских ухаживаниях отбирает у нее красивую шляпу и никогда больше не пудрит ей нос [11, с. 192].

Важным аспектом воспоминаний Андреевой является межкультурная коммуникация с жителями посещаемых стран, в том числе наблюдения за жизнью женщин, зачастую соответствующих гендерным стереотипам: «Мы часто задумывались над скучной, несвободной жизнью итальянских девиц. Чем они занимались в бесконечные жаркие летние дни за наглухо закрытыми ставнями окон? Наверное, что-нибудь вязали, вышивали, вспоминали редкие воскресные прогулки, когда, несмотря на строгий надзор, им удавалось обменяться взглядом с каким-нибудь молодым прохожим» [11, с. 221]. Похожие описания патриархальных устоев, гораздо чаще встречающихся в обществе того времени, можно увидеть и в «Доме на Черной речке» в истории тети Наташи: «Наравне с четырьмя дочерьми немца она занималась домашним хозяйством, вышиванием и пением благочестивых псалмов. Спали все девицы в одной комнате, окна которой выходили в большой запущенный сад, — там росли высокие старые деревья, а по ночам светила луна и пели соловьи. По воскресеньям все девицы надевали одинаковые белые платья и чинно шествовали впереди родителей на прогулку по Воробьевым горам» [11, с. 43].

Нельзя сказать, что гендерные стереотипы были чужды и семье Андреевых. Писательница вспоминает, что взгляд ее матери становился «добрее и ласковее», особенно когда та видела ее «хозяйственные старания» [11, с. 184]. При переезде детей из Рима в Прагу деньги доверяют более младшему Тину, а не Вере с Ниной [11, с. 239]. Когда девушка попадает в больницу, братья приносят ей для развлечения «вышивальных ниток и куски полотна — на них уже были напечатаны рисунки всяких цветов и бабочек» [11, с. 279].

Вместе с тем образцом для подражания со стороны Веры по-прежнему является мать, подтверждающая после смерти мужа свой эмансипированный статус. Анна Ильинична предстает своеобразным «архитектором» жизни своей семьи: «... Она поддерживала связь со многими странами, переписывалась с издательствами, которые переводили и издавали произведения отца. Слово “писательница” по-французски переводится, как “фамм де леттр” — женщина писем. Мама говорила, что она “фамм де леттр” не в переносном, а в прямом смысле: в самом деле, такое количество писем на разных языках» [11, с. 160–161].

Вот как характеризуется отношение матери к «обычным женщинам»: «Нет, мама не была творческим человеком, сама она не создала ни одного произведения — ни поэтического, ни прозаического, хотя имела несомненный литературный талант, обладала своеобразным стилем, изобиловавшим меткими метафорами, наделена психологическим проникновением в самую суть вещи, беспощадно аналитическим умом. Больше всего мама ненавидела ограниченность, глупость, отсутствие интересов, жизнь “ленивого животного”, как она этим словом припечатывала обывателя. Особенно от нее доставалось женщинам, которых в большинстве своем мама не уважала именно за мелочность интересов, за их мнения, основанные на предвзятости, глупости, за расплывчатость характера: “женщина — это аморфная сама по себе масса, принимающая форму сосуда, в который ее вольют”, — говорила она» [11, с. 284].

Примечательно, что много читающая Вера не раз сравнивает мать с Анной Карениной из романа Л.Н. Толстого: «Когда потом я читала “Анну Каренину”, то мне всегда казалось разительным мамино сходство с нею, — ведь Каренина тоже мало походила на светских кумушек, она тоже любила разговаривать с серьезными, умными людьми, интересовалась искусством и литературой, и не только интересовалась, но изучала, штудировала научный материал» [11, с. 47].

Вместе с Анной Ильиничной Вера по окончании гимназии начинает пробовать себя в доступных тогда женских профессиях. Несколько раз она устраивается работать в качестве, как тогда говорили, «прислуги за все», затем поступает в школу сестер милосердия в Американский госпиталь, в школу для массажисток, становится уборщицей с функциями медсестры в санатории для туберкулезных [11, с. 341, 356, 364–365]. Работа позволяет ей чувствовать себя более независимой, помогать матери и братьям.

В связи с тем, что Анна Ильинична общалась с эмигрантами, помогая некоторым из них, Вера, как уже было сказано ранее, встречалась с выдающимися творческими личностями, с их мужьями, женами, детьми. Это Саша Черный с его супругой Марьей Ивановной, которая за комнату и еду занималась обучением детей Анны Ильиничны [11, с. 203]; Евгений Николаевич и Валентина Георгиевна Чириковы, с которыми Андреевы в Чехословакии снимали дом пополам [11, с. 254]; Константин Дмитриевич и Елена Константиновна Бальмонт [11, с. 348], совсем обедневшие в эмиграции; Александр Николаевич Вертинский, с которым Вера танцевала в «Ирем-баре» на юге Франции [11, с. 373]; наконец, Марина Ивановна Цветаева и Сергей Яковлевич Эфрон с их дочерью Ариадной [11, с. 272–273].

Несмотря на сложное отношение М.И. Цветаевой к Леониду Андрееву как к писателю, поэтесса сдружилась с Анной Ильиничной. Вера объясняет это сближение сходством их натуры, конкретнее — их несводимостью к обывательскому представлению о женщине: «И вот Марина Цветаева с ее неумной жизненной энергией, с ее умом и талантом, с ее всеобъемлющей любовью к сыну, с ее “ярлыком” плохой хозяйки и человека с большими странностями, — разве подобные суждения не были распространены и вокруг Анны Ильиничны?» [11, с. 285].

В одном из писем Анне Тесковой от 26 мая 1934 г. Цветаева так охарактеризовала дочь подруги: «Вера (красотка!) служит прислугой и кормит самое себя, — А.А. дала ей все возможности учиться, выйти в люди, — не захотела, а сейчас ей уже 25 лет» [14, с. 97]. Вера полагала, что Марина Ивановна относилась к ней холодно, пока не прочитала одно из писем поэтессы, в котором были такие слова: «Добрая, красивая, естественная великанша-девочка, великаненок, простодушная амазонка. Такой полной природы, такого существования вне умственного, ПРИ УМЕ, я никогда не встречала

и не встречу. От Психеи — ничего, ЕВА ДО АДАМА — чудесная» [11, с. 324]. Вспоминает Андреева и про внимание к ней А.Н. Вертинского, называвшего ее не иначе как «красивая девушка» [11, с. 373, 377]. Безусловно, по этим фразам можно судить о сформировавшейся женской идентичности Веры, которая, правда, пока еще не вполне нашла себя в непростой эмигрантской жизни.

Воспоминания о Цветаевой побуждают автора задуматься о развернувшейся тогда дискуссии вокруг слов «поэт» и «поэтесса»: «Тогда еще не говорили про женщину “поэт”, да и зачем это было делать, — как будто бы слово “поэтесса” как-то умаляло, снижало ее поэтический дар, как будто бы только мужчины-поэты достойны столь высокого звания, а женские потуги на этом поприще заклеены снисходительным словом “поэтесса” — нечто неприятное, непризнанное, так, пописывает себе стишки... Теперь у нас все поэты, и, боже мой, сколько развелось женщин-поэтов — им несть числа, но как-то незаметно, чтобы эта мужественность повлияла на их творчество... “Поэтесса”! Да, возможно, это слово выражает женскую особенность поэтического дара, тонкую эмоциональность, свойственную женщине, ее наблюдательность, специфику ее воображения, творческую интуицию, позволяющую ей понять и видеть все переливы тончайших нюансов, настроений, эмоций. Все то, что называется “эвиг вайблихе” — вечно женственное, чему во веки веков поклонялись мужчины всех времен и народов как чему-то высшему, недоступному их пониманию, но тем более обаятельному и желанному. Зачем же тогда это оужествление, не признается ли этим сама женщина в своей неполноценности, не унижает ли она свое достоинство женщины?» [11, с. 282–283].

В этих цитатах можно увидеть важные установки в понимании и женского творчества, и женской субъективности как таковой.

Размышления Андреевой о сущности женского творчества заставляют вернуться к заголовку нашей работы, где звучат слова «дочь писателя». И речь идет не столько о том, что Веру Леонидовну воспринимали с особым вниманием, например, в гимназии [11, с. 262], сколько о том, что ей передался от отца писательский талант и, кроме того, она стала профессиональным филологом.

Проза Андреевой читается легко и с интересом, поскольку автор использует различные приемы привлечения внимания. Многие события и персонажи воспоминаний (в том числе сама рассказчица) воспроизведены с юмором и иронией. В произведениях Веры Леонидовны есть лирические отступления (сны, размышления), в стилистике которых сквозят экспрессионистские мотивы начала XX в. Вот, например, начало повести «Дом на Черной речке»: «Мне часто снится один и тот же сон. Он преследует меня. Стоит мне уснуть, как знакомое чувство тревоги охватывает душу. Делается душно, и больно колотится сердце. Я знаю, что сейчас будет» [11, с. 5].

Время от времени автор прибегает к вставке фрагментов из чужих эго-документов: письма от Саввы, дневника матери, дневника отца, письма М.И. Цветаевой и т. д. [11, с. 134, 210, 301, 324]. Эти источники помогают рассказать о тех событиях, которые писательница сама не наблюдала, но считает ценными для полноты создаваемой картины.

Во многих указанных приемах можно увидеть черты эстетики эпохи модерна, с ее тяготением к синтезу различных жанров, ярким образам, символической, нелинейному повествованию, «тоске по мировой культуре», сохранению веры в человека и осваиваемый им мир, где есть место и трагедии, и комедии, и, в конце концов, женщине-творцу, выбирающей свой путь, свой способ постижения себя и окружающих.

Таким образом, автобиографические книги Андреевой являются текстами, примечательными с точки зрения изучения женского творчества в эпоху модерна. Посвя-

ценные 1910–1920-м гг., написанные в 1970–1980-х гг., они фиксируют распространение нового типа женщины, по-особому воспитывающейся, по-особому осознающей себя, занимающей особое место в обществе, осваивающей женские профессии, осуществляющей самостоятельный выбор, готовой рассказывать о себе, о своей психологии и телесности, иронизировать над собой и гендерными стереотипами, вырабатывать свой оригинальный стиль письма, свой взгляд на самые различные стороны жизни — в общем, являющейся уникальной свободной творческой личностью.

Список литературы

Исследования

- 1 Бовуар С. де. Второй пол. СПб.: Азбука-Аттикус, 2017. 924 с.
- 2 Козлова Н. Н. Социально-историческая антропология. М.: Ключ-С, 1998. 187 с.
- 3 Лежен Ф. Когда кончается литература? // Автобиографическая практика в России и во Франции / под ред. К. Вьолле, Е. Гречаной. М.: ИМЛИ РАН, 2006. С. 261–275.
- 4 Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 стб.
- 5 Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы. М.: Флинта; Наука, 2002. 422 с.
- 6 Ньюбина Л. М. Человек вспоминающий // Человек. 2010. № 2. С. 107–114.
- 7 Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.
- 8 Тартаковская И.Н. Гендерная социология. М.: ООО «Вариант», 2005. 368 с.

Источники

- 9 Андреева В. Л. Дом на Черной речке. М.: Советский писатель, 1974. 199 с.
- 10 Андреева В. Л. Дом на Черной речке. М.: Советский писатель, 1980. 183 с.
- 11 Андреева В. Л. Эхо прошедшего. М.: Советский писатель, 1986. 384 с.
- 12 Интервью с Ириной Андреевой // Изучение и дальнейшая разработка идейного наследия Д. Л. Андреева. URL: http://www.rodon.org/andreev/_isia.htm (дата обращения: 06.02.2022).
- 13 Кен Л. Н., Рогов Л. Э. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб.: ООО «Издательско-полиграфическая компания КОСТА», 2010. 432 с.
- 14 Цветаева М. И. Письма к Анне Тесковой. СПб.: Внешторгиздат, 1991. 189 с.

***

© 2023. Roman L. Krasilnikov
Moscow, Russia

“THE WRITER’S DAUGHTER”: FEMALE IDENTITY IN THE AUTOBIOGRAPHICAL PROSE BY VERA ANDREEVA

Abstract: The paper explores the female identity in the autobiographical prose by Vera Leonidovna Andreeva (1910–1986), daughter of the famous writer Leonid Andreev. The materials for the study are the story “The House on the Black River” and the novel

“Echo of the Past”. Firstly, we examine the process of gender identification in the writer’s childhood, which was determined by her growing up and communicating with peers and relatives. Further, we research the formation of female subjectivity during the emigration, under conditions of intercultural interaction, adaptation to foreign cultures, collision with local stereotypes. Important factors for the gender self-determination of the writer are the image of her mother and communication with representatives of the Russian diaspora, including Sasha Chorny, Marina Tsvetaeva, Alexander Vertinsky etc. The reflections of the modern era are the writer's attempts to master women's professions, the circle of which was still quite narrow. Finally, by the example of Vera Leonidovna Andreeva, the paper focuses on the phenomenon of the “writer's daughter”, which often affected the attitude of other people towards the narrator and, of course, influenced the formation of her writing talent.

Keywords: V. L. Andreeva, Autobiographical Prose, Female Identity, Russian Emigration, Era of Modern.

Information about the author: Roman L. Krasilnikov — DSc in Philology, Associate Professor, Free Researcher.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4279-8263>

E-mail: krasilnikov.rl@gmail.com

Received: February 07, 2022

Approved after reviewing: February 21, 2022

Date of publication: June 28, 2023

For citation: Krasilnikov, R. L. “The Writer’s Daughter’: Female Identity in the Autobiographical Prose of Vera Andreeva.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 68, 2023, pp. 190–199. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-190-199>

References

- 1 Bovuar, S.de. *Vtoroi pol [The Second Sex]*. St. Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2017. 924 p. (In Russ.)
- 2 Kozlova, N. N. *Sotsial'no-istoricheskaiia antropologiia [Social-historical Anthropology]*. Moscow, Kliuch-S Publ., 1998. 187 p. (In Russ.)
- 3 Lezhen, F. “Kogda konchaetsia literatura?” [“When does Literature End?”]. *Avtobiograficheskaiia praktika v Rossii i vo Frantsii [Autobiographical Practice in Russia and France]*, ed. by K. V'olle, E. Grechanoi. Moscow, IMLI RAN Publ., 2006, pp. 261–275. (In Russ.)
- 4 Nikoliukina A. N., ed. *Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]*. Moscow, NPK “Intelvak” Publ., 2001. 1600 col. (In Russ.)
- 5 Nikolina, N. A. *Poetika russkoi avtobiograficheskoi prozy [Poetics of Russian Autobiographical Prose]*. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2002. 422 p. (In Russ.)
- 6 Niubina, L. M. “Chelovek vspominaiushchii” [“Human as the Rememberer”]. *Chelovek*, no. 2, 2010, pp. 107–114. (In Russ.)
- 7 *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i poniatii [Poetics: A Dictionary of Current Terms and Concepts]*. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoi, Intrada Publ., 2008. 358 p. (In Russ.)
- 8 Tartakovskaia, I. N. *Gendernaia sotsiologiia [Gender Sociology]*. Moscow, OOO “Variant” Publ., 2005. 368 p. (In Russ.)